

Ю.А. Борко

Судьбу
нам не о чем просить...

Семья, жизнь и путь в науке

Москва
Издательство «Весь Мир»
2019

УДК 929
ББК 84г
Б 82

Борко Ю.А.

Б 82 Судьбу нам не о чем просить...Семья, жизнь и путь
в науке М.: Издательство «Весь Мир», 2019. – 440 с.

ISBN 978-5-7777-0779-6

Автор, известный российский экономист, д.э.н., профессор, почетный президент Ассоциации европейских исследований, вспоминает не только собственную жизнь, но и рассказывает о жизни двух предыдущих поколений семьи Борко.

УДК 929
ББК 84г

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0779-6

© Борко Ю.В., 2019
© Издательство «Весь Мир», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие первое	7
Предисловие второе	9
Часть I. СЕМЬЯ	
Откуда есть пошло семейство Борко	11
Абрам Израилевич Борко (1871–1944): Патриарх	14
Ида Григорьевна Борко (1874–1960): Она читала только Тору и верила в Иегову	21
Этель (Елена) Борко (1897–1919): Смертью смерть поправ	24
Ефим Борко (1901–1996): Комиссар–экономист–металлург	42
Иоан Борко (1907–1985): 1941–1942. Керчь	54
Гита Борко (1914–2003): Военские эшелоны шли с интервалами в полчаса-час	62
Надежда Борко (1903–1950): «Тихий Дон» в 1918 – 1920-м	76
Часть II. МОЯ ЖИЗНЬ	
Ростовское детство и открытие Москвы	90
Мне когда-то тоже было тринадцать	97
Кола Брюньон и Павка Корчагин	103
Школа № 19, или Три года, перевернувшие мой мир	108
Самый памятный вальс	116
Мамин урок	119
Мой 10-й класс	122
Два дня в марте 1953-го	156
Как я стал старшим пионервожатым	165
Лена	177
Пятидесятники	187
Мой друг Том Петров	236
Три дня в августе 1991-го года	284

Часть III. МОЙ ПУТЬ В НАУКЕ

Полвека на путях и перепутьях отечественной науки	299
Как формировалась отечественная школа исследования европейской интеграции	337
Институт Европы РАН: 90-е годы	357
Николай Шмелев – ученый, друг и единомышленник	375
Ассоциация европейских исследований в России – АЕВИС	393

Приложение

Осенние мотивы. Стихи	404
-----------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРВОЕ*

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом» (Еккл. 3:1). Идешь по жизни – от горизонта к горизонту. И хотя знаешь, что когда-то глазам твоим откроется горизонт, за которым уже не будет ничего, но в непосредственном опыте всё воспринимается как безостановочное и нескончаемое движение – за далью даль. А затем, словно тебя кто-то под локоть толкнул, как бы заново прозреваешь, что время и пространство твоего движения конечны, что пройденное расстояние гораздо длиннее того, которое тебе осталось пройти, и осознание этого факта становится частью твоего нового восприятия мира и самого себя. Ты по-прежнему живешь в настоящем, но оно связано уже не столько с будущим, сколько с прошедшим временем. К тому же обнаруживаешь, что накопленный опыт прожитого и пережитого уже превзошел объем критической массы, вызывающей, подобно ядерной цепной реакции, спонтанный процесс воспоминаний и размышлений о жизни, людских судьбах и стране, в которой тебе довелось родиться и прожить. И тогда наполняются реальным смыслом, ибо теперь это собственный опыт, слова Экклезиаста: «Время разбрасывать камни и время собирать камни» (Еккл. 3:5). Два разных времени, две поры твоей жизни: с первой ты распрощался, пришла пора «собирать камни».

В далекие «тинейджерские» годы я вел личный дневник и писал стихи. О стихах вспоминаю с улыбкой. Сочинять их начал в четырнадцать лет, закончил – в девятнадцать. Этакая смесь дерзостей раннего Маяковского, порывов юного Данко и страданий молодого Вертера. Разумеется, я имею в виду не литературные достоинства, а мотивы. Всё искренне и всё вперепев, всё всерьез и всё – пародия и гротеск, за исключением, может быть, трёх-четырёх небольших стихотворений, подкупающих своей открытостью и вполне приличных по форме. А дневник я начал в памятную осень 1941 года, в сентябре, и первая запись

* Юрий Борко. Позднее. Стихи. Воспоминания. М.: Типография ИНИОН РАН, 2009. 117 с.

по прибытии в Казань, где жила моя тетя, младшая сестра мамы, была о четырехдневном путешествии из Москвы, в тамбуре до отказа набитого людьми вагона. Всю дорогу я или стоял, или сидел на корточках, прислонившись спиной к стенке. Увы, первая тетрадка дневника до сегодняшнего дня не дожидается, и я помню только грохот встречных воинских эшелонов – платформы с танками, орудиями и грузовыми машинами, товарные вагоны с предназначенными для фронта грузами, приоткрытые теплушки и солдатские лица в дверных проемах, составы цистерн. Железная дорога Свердловск – Казань – Москва была почти на всём протяжении однокорейкой, эшелоны шли примерно с часовым интервалом, и мы подолгу стояли на каждом полустанке, пока не возникала двух-трехчасовая пауза, и наш поезд успевал пройти один-два перегона до очередной станции. Я вел дневник все военные годы, начало послевоенных лет и закончил последнюю тетрадку осенью 1948 года, когда начал учиться на историческом факультете МГУ. Из «тинейджерских» штанов я вырос, да и жизнь началась небывало интенсивная и чертовски интересная.

Минуло сорок лет, я вновь начал писать стихи и вести – нет, не дневник, – а записи раздумий, воспоминаний, комментариев к прочитанным статьям и книгам. Видимо, это настроение назревало исподволь, а выплеснулось в 1986 году. В апреле умер Том Петров. Ушел первый из моих ближайших друзей, один из тех, кто однажды вошел в мою жизнь и остался в ней навсегда. Я написал несколько стихотворений, посвященных Тому, и начал записывать воспоминания о нем. Но, как я уразумел позже, это было началом более глубокого поворота в самом себе. Мы живем двумя параллельными жизнями – внешней и внутренней. Они связаны друг с другом, но чаще находятся в той или иной дисгармонии. Мне открылась забытая часть моего внутреннего мира, оказавшаяся в тени другой моей жизни – профессиональной и деловой, которой, как правило, сопутствуют суетность и сиюминутность, круговерть нужных и ненужных обязательств, обещаний, встреч и т. д. и т. п. Во мне проснулось желание записывать то, что я вспомнил, увидел, услышал или прочел, прочувствовал и понял. Тогда-то я и вспомнил про «собирать камни».

Прошло более двадцати лет, и в памяти моего компьютера накопились уже сотни страниц всякого рода записей. В нынешнем году мне исполнилось восемьдесят, и я решил, что пора привести свои записи в порядок. Я начал со стихов и воспоминаний о Томе Петрове.

Москва, осень 2009-го

ПРЕДИСЛОВИЕ ВТОРОЕ

Первое предисловие я написал в мое 80-летие. Свое намерение я выполнил – в том же году типография ИНИОН РАН напечатала сто экземпляров книги «Юрий Борко. Позднее. Стихи, воспоминания». Я роздал их в основном однокурсникам, а также друзьям, большей частью знавшим Тома, а иногда и не знавшим его.

Теперь мне предстоит встретить 90-летний юбилей. Всё, что я тогда рассказал о моем самовосприятии, остается верным по сей день.

А что касается воспоминаний, то я начал записывать их еще в поздние советские времена, но систематически уже после 1991 года и особенно в последнее десятилетие. Я рассказывал о своей жизни и событиях, которые происходили в моей стране или за её рубежами. И лишь о семействе Борко, о двух его поколениях – моих бабушке и дедушке, их пятерых детях, включая мою маму, рассказать мне было нечего. Помню, что в раннем детстве я задавал им какие-то вопросы об их далёком прошлом, но они отвечали неохотно и отделялись общими фразами. Я это понял и отстал от них. Причины их нежелания отвечать я понял много позже. Спрашивать я начал лет с пяти-шести, то есть с середины по конец 1930-х годов, в пору жутких репрессий. Тогда один из самых зловещих вопросов звучал так: «Чем вы занимались до 1917 года?» Ну кому хотелось отвечать на такой вопрос, даже в том случае, если его задал любимый внук или племянник?

А пятнадцать лет назад произошло событие, открывшее мне путь в прошлое моего семейства. В мае 2003 года умерла моя тетьа Рита Абрамовна, или просто Рита, как я называл ее с детских лет, – младшая из братьев и сестер Борко. Проводив ее в последний путь, я в один из ближайших дней занялся разборкой ее архива и обнаружил, к моему изумлению, интереснейшие документы. Многие из них были датированы 20–40-ми годами. Тетушка была на редкость аккуратна и бережлива. В папках и конвертах хранились ее собственные документы, архивы главы семейства Абрама Израилевича и двух ее братьев – Ефима и Иоана, воспоминания родных и соратников Этель Борко, погибшей в 1919 году. В Ритином архиве почти не было документов Нади, моей мамы. Но я вспомнил, что после ее смерти в 1950 году нашёл в шкафу картонную папку образца

30-х годов, перевязанную крест-накрест тонкой бечёвкой. В ней хранились мамины старые документы и фотографии начиная с времен Гражданской войны. Мы с Леной четырежды меняли московское жильё, выбрасывали кучу бумаг, но у меня ни разу не возникало мысли расстаться с маминым архивом. Как знать, может, в папке таилась её незримая душа?

Правда, когда я впервые углубился в изучение архивов, печальным открытием для меня стало то, что документы, сколько бы их ни было и как бы содержательны они ни были, живых свидетелей заменить не могут. Я с недоумением спрашивал себя, почему так редко и так мало расспрашивал моих старших о том, как им жилось в разные времена и каков был мир, в котором они жили. Правда, как я уже сказал, мои детство, отрочество и юность пришлось на то время, когда надёжнее было ни о чем не спрашивать. И не на все мои вопросы они стали бы отвечать. По разным причинам – из-за впитавшейся в плоть и кровь предельной осторожности или нежелания не то что говорить, но даже мысленно перелистывать страницы прошлого. И всё же, всё же... Как выяснилось, Александр Сергеевич, посетовав, что «мы ленивы и нелюбопытны», адресовал эти слова и мне. Увы!

Я изучал содержимое архивов, вчитывался в документы, и в какой-то момент передо мной, будто на экране, высветилась 125-летняя история семейства Борко, начиная с первого конкретного события в 1897 году. Она видится мне в двух ракурсах. С одной стороны, личные судьбы двух старших поколений Борко, с другой – как связаны были их судьбы с историей страны в двух ее ипостасях и историей жившего в ней еврейского народа. Я начал набрасывать очерки о них в середине нулевых годов, потом прервался и, вернувшись к ним пару лет назад, почти закончил в нынешнем году.

Недавно, читая отклики на кончину Даниила Александровича Гранина, я прочел записи Нины Петляновой. Собкор «Новой» посетила 98-летнего патриарха русской литературы 10 июня, за три недели до его ухода. Меня поразило одно высказывание писателя: «Не знаю, почему я всё еще живу? Может, я такой вредный, что Бог меня боится пустить к себе? Я уже говорил, что не знаю, есть Он или нет. Но если я буду сидеть и перебирать чётки, то я уже ничего не напишу» (Новая газ. 2017. 7 июл. С. 5). Надо, подумалось, поторопиться и мне. Пора складывать все написанное о старших поколениях семейства Борко, о самом себе и моей семье, о друзьях, о моих отношениях с *Urbi et Orbi*, и прежде всего со своей Отчиной, как бы она ни именовалась в течение моей жизни. Пора готовить книгу к изданию.

Москва, октябрь 2018-го

Часть I

СЕМЬЯ

Откуда есть пошло семейство Борко

Как говорится, всё начинается с начала. Но у этой повести нет начала. Оно сторело в Гражданскую войну вместе с синагогой в городе Бердичеве и раввинатными книгами, в которых содержались записи о рождениях, браках и смертях местных евреев. Их было семеро. Старшие – Абрам Израилевич и Ида Григорьевна Борко и пятеро их детей – Этель, Хаим, Нахома, Иоан и Рита. Впрочем, Хаим в жизни и по паспорту был Ефимом, Нахома – Надей, Надеждой; Иоана в семье звали Йёней или – в широком кругу – Лёней, а Рита так и была Ритой, но не Маргаритой. Я перечислил их по старшинству. Все они родились до 1917 года: Этель – в 1897-м, Рита – в 1914-м, остальные – в промежутке между ними.

Что касается самых старших, то я почти ничего не знаю о том, как они жили до октября 1917 года. Дед мой родился в 1871 году, бабушка – в 1874-м. В пору своей семейной жизни, начавшейся в 1895 или 1896 году, они жили в Бердичеве. Возможно, там и родились. Там же родились все их дети. В 1915 году семья в экстренном порядке переехала в Ростов-на-Дону, но об этом позже, а сначала о Бердичеве. Роли родителей были распределены там очень чётко: Абрам Израилевич трудился и был единственным кормильцем в семье, а Ида Григорьевна вела домашнее хозяйство и воспитывала детей. Но это слишком общее представление.

Я подумал, что если познакомлюсь с историей города, особенно в конце 1890-х и в начале нового века, когда образовалась семья и родились дети, мне станут более понятными ее социальный статус, материальное положение, образ жизни. Я хотел найти ответы на некоторые возникшие вопросы, например понять, каким образом семнадцатилетняя девушка, живущая в рядовой мещанской семье, не связанная с интеллектуальной средой и еще не закончившая училище (по сути, среднюю школу), примкнула к революционному движению.

Первое документальное упоминание о «селе Беричиково» относится к 1546 году, а 1593 годом датируется сообщение о том, что

«в новозаселённом местечке Бердичев, в котором имеется всего 140 домов, мельница впервые сдана владельцем в аренду еврею за сто монет в год»¹. В начале XVIII века в Бердичеве уже существовала еврейская община, в 1712 году был создан *кагал*, то есть правление общины, которое стало посредником между ней и властями. В 1765 году, согласно официальной переписи, здесь проживало 1220 евреев. Языком их общения был идиш.

В 1793 году по условиям раздела Польши между Австрией, Пруссией и Россией в состав последней вошла Правобережная Украина. В конце XVIII века в соответствии с указом от 1791 года в России вводится *черта оседлости* – территория компактного проживания евреев, чтобы предотвратить их проникновение в великорусские губернии и защитить от их конкуренции российских предпринимателей. В черту оседлости вошла и Волынская губерния вместе с Бердичевом. В декабре 1845 года царским указом ему был присвоен статус города. С этого времени его еврейское население быстро растёт: 1789 г. – 1951 чел.; 1847 г. – 23160 чел.; 1884 г. – 62366 чел. На 1 января 1899 года в нём проживало 62,3 тыс. человек, в том числе 50,5 тыс. евреев, или 80% его жителей. Остальные – в основном поляки, а также русские и украинцы. Среди крупных и средних городов, расположенных в черте оседлости, Бердичев был самым еврейским городом.

Главным занятием евреев была торговля: ею кормилась примерно треть еврейского населения. Ремесленники (вместе с членами семей) составляли около 20%. Самые распространённые ремесла – сапожное и портняжное; далее шли обработка дерева и металлов, изготовление москательных товаров и т. д. Остальное взрослое население зарабатывало на жизнь самым различным образом – небольшое число фабричных рабочих, в основном на кожевенных предприятиях, продавцы, прислуга, приказчики и конторщики, поденные рабочие и т. д. Еврейский город с далеко зашедшим социальным расслоением. На богатую по провинциальным меркам верхушку, главным образом купеческую, приходилось около 4% еврейского населения, на долю семей среднего достатка – примерно 18%, на долю бедноты – 76%. Около 20% населения жили на грани нищеты и поддерживали существование с помощью благотворительности².

¹ Рима́н А. Бердичев – еврейская столица Украины // <http://www.rjews.net/gazeta/Lib/riman/021217.shtml>

² Бердичев // <http://ru.wikipedia.org/wiki>